

мастера искусств

ЩЕДРОСТЬ ПЕВЦА

Однажды в Доме актера шел концерт с участием артистов оперы. Зал встретил аплодисментами появление заслуженного артиста УССР Евгения Иванова — и тут же многие переглянулись: ведущая объявила «Мелодию» А. Пахмутовой. Общеизвестно, что оперные певцы поют эстрадный репертуар в своей привычной манере, и это далеко не всегда приносит успех. А «Мелодия» только что завоевала признание, и, думалось, нет в зале человека, который не любил бы эту прекрасную песню в исполнении популярных эстрадных артистов.

Но вот из тишины зазвучал бархатный голос... И тогда показалось, что это печальное признание, мелодию страдания, любви и надежды, просто нельзя петь иначе. Только так, с огромным душевным благородством и с постоянным вниманием к качеству самого звука — широкого, мягкого.

Этот неприметный концерт стал памятным благодаря «Мелодии». Е. Иванов сфокусировал в ней лучшие черты своего дарования. Лучшие, но не все. Ведь есть еще такие, о которых одна песня не расскажет. Широта исполнительского кругозора. Постоянная работа над разножанровым концертным репертуаром. Творческая щедрость, желание поделиться своим искусством с возможно большим числом людей.

Е. Иванова можно встретить в заводском цехе и на поле-вом стане, он охотно сотрудничает с телевидением и радио, пропагандируя творчество советских композиторов и, в частности, своих земляков-одесситов. Фирма «Мелодия» выпустила превосходно записанные им и концертмейстером Л. Ивановой романсы С. Рахманинова. Песня, романс, соло в ораториальном жанре — всем этим он занимается с удовольствием и успехом. В Одесской консерватории Е. Иванов преподает сольное пение. Но главным делом для артиста была и остается оперная сцена.

Как и у каждой творческой личности, здесь у Иванова есть свои симпатии. Причем, как правило, то, над чем с радостью работает актер, оказывается наиболее убедительным, воспринимается зрителями как яркое впечатление и запоминается надолго. Так получилось, например, с ролью Лазаря Баукина в опере Б. Кравченко «Жестокость». Артист сумел донести до зрителя драму человека, запутавшегося в социальных конфликтах бурного революционного времени. Талантливо сыгранная роль во многом способствовала успеху нового спектакля, а после показа «Жестокости» на гастролях в Москве столичная пресса подтвердила, что Е. Ивановым «тонко продуманы и воплощены все подтексты, все глубокие процессы, происходящие в смятенной душе этого сбившегося с пути мужика-трудяги».

За «Жестокостью» последовала новая постановка оперы Н. Лысенко «Тарас Бульба», где Е. Иванову была поручена заглавная роль. Наряду с патриотизмом и мужеством Тараса актер показал здесь трагедию отца, обманувшегося в своих ожиданиях.

Еще одна исповедь отца — ария Рене в «Иоланте» П. Чайковского. Нужно обладать большой творческой смелос-

тью, чтобы не привлекать здесь на помощь псевдовыразительную мимику, быть предельно скупым на голосовые краски и сосредоточенно, сдержанно и внимательно прочитать в душе героя высокую поэзию человеческого горя.

Вспоминается последняя картина оперы М. Мусоргского «Борис Годунов» — сцена в Грановитой палате (сцена «Под Кромами» в этом спектакле была предпоследней). Здесь зрителей ожидала одна из самых ярких сцен спектакля — рассказ Пимена в исполнении Е. Иванова. Актер уверенно шел по невыгодному пути: рядом со сложным и сценически выигрышным образом Бориса Пимен мог ступешиваться. Но в черной рясе монаха на сцене стоял наш современник и вместе со своим персонажем он вкладывал в притчу о пастухе силу обличения, такой драматический накал, что в зале становилось очень тихо. Эта тишина грозила взрывом, взрыв происходил в больном сознании Бориса, а Пимен удалялся почти незаметно. Становилось ясно — актер совершил над преступным царем суровый и неумолимый суд истории.

Что ж, объективный и беспристрастный судья — тоже одно из лиц оперного баса. Но случается, что ограниченный рамками либретто, актер должен сыграть что-то вроде «меча в руках судьбы». Это не всегда интересно для Е. Иванова. Достаточно вспомнить несколько «объективное», нейтральное исполнение партий Рамфиса в «Аиде» и Феррандо в «Трубадуре» Дж. Верди. Так бывает, когда приходится воплощать образ, соответствующий голосовым данным, но не вызывающий симпатии.

Но если роль привлекает, «греет», если все вокальные и актерские задачи воплощаются с радостью — это ощущение легко передается в зал. И порой бывает даже трудно установить тот единственно необходимый комплекс выразительных средств, который позволит создать четкий сценический образ, особенно комедийный. Иногда, играя Карая в «Запорожце за Дунаем» С. Гулака-Артемовского, актер слегка шаржирует, но это бывает и незаметно — так непосредственно воспринимает его настроение зритель. А бывает, шарж приходит на помощь. Тогда возникает почти грозная в своей обывательско-лицемерной философии фигура дона Базилио («Севильский цирюльник» Дж. Россини) или образ чванливого, высокомерного, но необычайно глупого Салтана, единственный по сути сатирический образ в ныне существующей постановке остро публицистичной партитуры Н. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане» — резкой сатиры на самодержавие, созданной незадолго до первой русской революции.

Что бы ни пел Е. Иванов на сцене или в концерте, на радио или по телевидению — его голос узнаешь сразу. Узнаешь по творческой щедрости, по доверию, которое вызывает его артистический почерк, по искренности, с которой он обращается к своим слушателям. В этой искренности, в глубокой человечности искусства певца — секрет его сегодняшних достижений и залог будущих.

Е. ЕРМАКОВ.